

—... Изначально это была ошибка.

Почему она не удивилась его оправданию? Роэнгрин посмотрела на него ледяным взглядом, не скрывая презрения.

—Рене была начинающей художницей, и я не мог заставить себя помешать ее будущему, обрекая ребенка. Вот почему я думал, что этого не должно произойти.

Дитрих украдкой взглянул на Роэнгрин, почувствовав невысказанную просьбу продолжать. Тяжело вздохнув, он закрыл глаза и, запинаясь, придумал замысловатое оправдание.

—Я думал, что буду просто присматривать за ним год – всего один год ... И не успел я опомниться, как пролетели пять лет. Я получал удовольствие, наблюдая, как растет Винсент, но в то же время чувствовал себя виноватым.

Когда он открыл глаза, выражение его лица наполнилось печалью, когда он пробормотал: “Он никогда не получал надлежащего воспитания. Он страдал от многих болезней, и я не мог отвезти его в больницу или отправить в школу ...”

Роэнгрин усмехнулась, ее пристальный взгляд опустил на него. Она вообще не ожидала, что он будет чувствовать себя виноватым перед своей невестой, и его слабые оправдания показались ей просто смешными.

Глаза Дитрих встретились с суровым взглядом Роэнгрин.

«Вы простоставляете себя дураком, ваше превосходительство. Если действительно намеревались взять на себя ответственность, вам следовало признаться мне в правде, тихо расторгнуть нашу помолвку и жениться на этой женщине. Вместо этого появились из ниоткуда и молча потребовали жениться за меня».

—....

Дитрих открывал и закрывал рот, словно пытаясь подобрать слова, которые так и остались невысказанными. Роэнгрин ждала его, собирая последние остатки терпения, которые у нее были.

—Расторгнуть помолвку... это не так просто, как кажется, не так ли? Нордвант также пострадает, когда мы расторгнем помолвку.

«Но выбрать обман? Разве это не так же непостоянно?»

Дитрих плотно сжал губы, его беспокойство проявлялось в ритмичном постукивании большим пальцем по столу. В комнате воцарилась тяжелая тишина, прерываемая только скрежетом пера Роэнгрин по бумаге.

«Конечно, Нордвант не пожалеет об этом. Но вы не имеете права выбирать обман, когда я должна терпеть унижение, наблюдая за ребенком, который у вас был от другой женщины. Быть униженной Гидеоном...»

При упоминании Гидеона Дитрих внезапно встала

—Не смейте оскорблять Гидеон! Даже если Нордвант не пожалеет об этом, неужели вы думали, что мы пожалеем? Как немой человек, который будет привязан к Гидеону —

Слова застряли в горле Дитриха, когда он понял, что сказал, не подумав. Его взгляд встретился с глазами Роэнгрин.

Ее глаза были спокойными и ледящими душу, без малейшего намека на нерешительность. Руки Дитриха, лежащие на столе, сжались в кулаки.

«Я уверена, что это был бы кто-то достаточно отчаянный, чтобы добровольно присоединиться к Нордвант».

—Нордвант — не более чем изношенное и никчемное имя, лишенное чести и авторитета. Грубо говоря, зачем какому-то дворянину из центрального региона желать вас? Я знаю это, и именно поэтому предложил руку и сердце.

Он наклонился вперед, опираясь на руки, и прорычал: «Но что случилось? Прежде чем вы смогли должным образом утвердиться, вы потеряли голос и не смогли сыграть свою роль. Какой дворянин в центральном регионе захотел бы вас?»

Пока Дитрих изливал свою язвительную критику, Роэнгрин, которая спокойно смотрела вниз с отсутствующим выражением лица, улыбнулась.

«Ну, что я могу сказать? На самом деле в центральном регионе есть дворянин, которому нужно имя Нордвант».

—Вы хотите сказать!...

Выражение недоверия промелькнуло на лице Дитриха, когда он понял, кого она имела в виду. Роэнгрин мягко вставила правду.

—Карлайл Винберг вон Леймонд.

Чтобы обезопасить герцогство Лейнмонд, мужчине незаконного происхождения нужна была своего рода легитимность, которую никто не мог подвергнуть сомнению. Мощная легитимность, способная соперничать даже с Сидусом. И в империи Вальдрант, и даже на всем континенте Карлом, ни один другой человек не мог сравниться с Нордвант и его легитимностью. Лицо Дитриха приобрело темно-красный оттенок, когда он осознал этот неоспоримый факт.

—Карлайл Винберген, как вы смеете говорить так бездумно... Как такой человек, как он, мог осмелиться?...—тихо проворчал он, его лицо исказилось от гнева.

—Не хвалитесь пустыми словами. Карлайл Ансгар? Такой ублюдок, как он, кровь которого смешана с кровью скромного кочевника из пустыни, безземельного, обреченного на скитания и вдобавок покинутого богами? Неужели думаете, что такая жалкая крыса, дворяня, сможет поддержать ваше достоинство?

Роэнгрин уставилась на него без всякого выражения. Упоминание Карлайла Ансгара по имени, особенно без указания фамилии Винберген, было преднамеренной провокацией.

Дитрих открыто презирала Ансгара, и хотя Роэнгрин не знала точной причины, она могла предположить, что их вражда возникла еще со времен их совместной учебы в академии. Дитрих знал, что она смутно ощущала их отношения.

Несмотря на то, что он все это знал, он должен был прийти в ярость, когда она небрежно

упомянула Карлайла как человека, который мог бы заменить его на этом посту.

—Как вы смеете ставить его на один уровень со мной? И вы, из всех людей!

‘Осмелитесь?’

Роэнгрин опустила взгляд и легонько постучала пальцами.

‘Осмелитесь, говоришь?’

«Ваше превосходительство, молодой герцог, именно вы поставили этого ублюдка и себя на одну доску. Интересно, как вы осмелились это сделать. Вот что я хочу спросить».

Дитрих не мог найти слов для возражения. Роэнгрин спокойно наблюдала, как его дрожащая рука сжалась в кулак, а затем подняла ручку. Рука, которая писала на бумаге, заполняя всю страницу, двигалась плавно. Дитрих уставился на протянутый ему листок широко открытыми глазами.

«Не нужно волноваться. Точно так же, как у меня нет выбора, кроме как выбрать Гидеон, у вас есть только два варианта.

Во-первых, если вы хотите дать этому ребенку имя Гидеон, то сделайте это. Но рядом с этим именем не будет имени Нордвант.

Если не выйдет, тогда, во-вторых, откажитесь от ребенка и изгоните его из империи. По крайней мере, к западу от пустыни Навара или на южном континенте за морем Рейнвальд.

Выбор за вами, и они не могут сосуществовать».

—На южный континент или к западу от пустыни? Это чрезмерное требование!

«Я не думаю, что это чрезмерно, поскольку это делается для того, чтобы предотвратить возможность его возвращения в империю после того, как он избегал моих глаз».

Дитрих заговорил голосом, который он долгое время подавлял.

—Есть ли необходимость заходить так далеко? Вам просто нужно отступить один раз, всего один раз. Я гарантирую положение герцогини, авторитет и отношения с Нордвант...

Роэнгрин закрыла глаза. В ее слегка нахмуренных бровях читалось раздражение. Она четко выводила каждое слово, плотно сжав губы.

«Я сказала, что сосуществования быть не может. Даже если вы того желаете!»

В приемной воцарилась тишина. Роэнгрин отложила ручку, откинулась назад и положила сцепленные руки на колени. Это означало, что она хотела, чтобы он ответил. Дитрих прикусил губу и помедлил, прежде чем признаться.

—Отец сказал, что не хочет, чтобы у будущего преемника было что-то, к чему можно было бы придраться.

Зрачки Роэнгрин, которые пристально смотрели на него, медленно опустились к пуговице Гидеона, лежавшей на столе.

—Будь то физическая проблема или что-то еще.

Казалось, герцог Ротовальд беспокоился, что у ребенка, который родится между Роэнгрин и Дитрихом и вырастет юным герцогом Ротовальд, может быть физический "изъян".

Что это за нелепое беспокойство? Она получила обручальное кольцо весной, когда ей было 17 лет, и потеряла голос летом, когда ей было 19. Архиепископ официально объявил, что это было последствием высокой температуры, вызванной тяжелым гриппом во время подготовки к фестивалю Вальпурга...

Архиепископ Концерто, должно быть, объяснил, что это последствие болезни, которая не имеет ничего общего с генетикой.

—Его светлость архиепископ...

Он не решался заговорить с готовностью, но выпрямился, как будто принял решение.

—До того, как он стал архиепископом, он был вашим дядей по материнской линии.

Роэнгрин закрыла глаза и прижала кончики пальцев к вискам. Какое отношение к приобретенным ею физическим проблемам имел тот факт, что архиепископ Концерт приходился ей дядей по материнской линии? Она открыто глубоко вздохнула и взяла ручку.

«Это отличное оправдание, за исключением того факта, что в генеалогии Нордванта нет прецедента такого приобретенного физического недостатка, как у меня. Так что это не то, что можно сделать на основе мнения его светлости».

Лицо Дитриха покраснело от сарказма, сочащегося между строк. С застывшим лицом он опустил взгляд на газету, которую Роэнгрин пододвигала к нему.

«Я понимаю, о чем вы беспокоитесь, но решение неправильное. Вам следовало обсудить это со мной и взять ребенка из вассальной семьи Гидеона или усыновить талантливую сироту через Сайдуса. Как ты могла подумать о том, чтобы растить ребенка от любовницы так, чтобы я этого не заметила? Разве это не оскорбление для меня и чести Нордванта?»

—Это не может быть вассальная семья.

Роэнгрин посмотрела на него со спокойным лицом. Дитрих, который стянул галстук, как будто ему было душно, заговорил.

—Вы не представляете, какие они громкие и как высокомерно придираются и вмешиваются. Им не должно быть места для вмешательства».

«Тогда вам следует привезти сироту из Сидуса».

—Это смешно.....Я бы предпочел иметь ребенка со своей кровью, чем привносить что-то, что даже не знает своих корней.

«Имя этого ребенка не должно быть в списке Сайдуса».

—Черт возьми, если вы просто отступите, все будет хорошо!

Наконец, Дитрих закричал и стукнул кулаком по столу.

<http://tl.rulate.ru/book/105265/4053851>